

ВЯЧЕСЛАВ КИСЛИЦЫН

Караваны идут по пустыне

КНИГА СТИХОВ

Вячеслав Кислицын

**Караваны идут
по пустыне. Книга стихов**

«Издательские решения»

Кислицын В.

Караваны идут по пустыне. Книга стихов / В. Кислицын —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-937244-4

Родился в Свердловске, живу в Екатеринбурге. Призёр фестиваля «Образ
Крыма — 2018». Автор книги «В муравейниках спят муравьи» (2017
г.) Когда меня спрашивают, почему я начал писать стихи, я отвечаю, слегка
перефразировав Мартина Макдонаха: «Писать стихи я начал из-за того, что
это лучшая работа из всех возможных. Для неё ведь не требуется ничего,
кроме головы, карандаша и листа бумаги». М. Макдонах говорил о пьесах.

ISBN 978-5-44-937244-4

© Кислицын В.
© Издательские решения

Содержание

КАРАВАНЫ ИДУТ ПО ПУСТЫНЕ	6
ВПЛЕТАЯСЬ В КАНВУ И РЕМЕЙКИ	7
БЫЛ ЛИ ОН ПРАВ...	8
АМУР В ОТСТАВКЕ	9
А РЕКИ ТЕКУТ...	10
ЗАЧЕМ-ТО ЕДУ Я НА ПАРНАС	11
ВЕСНА НА НЕВСКОМ	12
ЭТО БЫЛО, ПОЖАЛУЙ, НЕПРОСТО	13
НА КЛАДБИЩЕ СТАРОМ КРАСНОУФИМСКА	14
МЕСТЬ И ЗАКОН	15
ВРЕМЯ БЕЛЫХ*	16
Я ВСЁ ПИШУ О ТОМ...	17
БИАТЛОНИСТ	18
СОЛНЦЕ КРУТИШЬ НА ВЕРЕТЕНО	19
1 МАЯ 1981 г.	20
ЛЕГЕНДА (за много лет до нашей эры)	21
ВАЛЕНКИ	22
ГДЕ-ТО ТАМ	23
СЕРАЯ ВОРОНА	24
НЕ СКАЖУ	25
СЛЕД	26
ВОТ ТАК И ПЛЫЛИ	27
ДО КОНЕЧНОЙ	28
ЛУНА НАШ ГОРОД СТОРОЖИТ	29
МОЙ ГОРОД	30
ОНА ПРИШЛА СТЕЛИТЬ ПОСТЕЛИ	31
СНЫ	32
КАК ПРЕЖДЕ МОСКВА	33
В ПОДСОЛНУХ	34
НА УРАЛЕ ЗИМА	35
ТЫ МОЯ СКАЗКА	36
ЭТО УРАЛ!	37
КАМСКИЙ ШАНСОН	38
«СИБИРСКИЙ ТРАКТ»	39
В ЧАСАХ МЕНЯЯ БАТАРЕЙКУ	40
ЗАКРЫТ ДАВНО АЭРОПОРТ ПУКСИНКА	41
ДОРОЖНОЕ	42
ПЛАХА	43
ПРИЯТНЫХ СНОВ	44
КОТ	45
ПРОСНУТЬСЯ УТРОМ	46
МАРШРУТ ИЗВЕСТЕН. 18-Й ГОД	47
ИГРАЯ В РУССКУЮ РУЛЕТКУ	48
МАТА ХАРИ	49
АЛЕКСАНДР. 1242 год	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Караваны идут по пустыне

Книга стихов

Вячеслав Кислицын

© Вячеслав Кислицын, 2019

ISBN 978-5-4493-7244-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КАРАВАНЫ ИДУТ ПО ПУСТЫНЕ

Караваны идут по пустыне,
Белый снег по Сахаре метет,
Скоро солнце на небе остынет,
И луна свой закончит полёт.
Страж небесный и вечный изгнанник
В белом мареве судного дня
Поменяет пустынный Титаник
На привычного к снегу коня.
Бедуин будет снег есть, как кашу,
Будет снег на ресницах твоих,
И лозой не наполнится чаша,
Та, которая лишь для двоих.
И созвездья качнутся на небе,
Как когда-то в начале веков,
И спаситель родится в вертеле —
На глазах у продрогших волхвов.

ВПЛЕТАЯСЬ В КАНВУ И РЕМЕЙКИ

Плывёт Америго Веспучи,
Вплетаюсь в канву и ремейки,
В сундук с мертвецами, «до кучи»,
Где карты, где Куки и Дрейки.
И не заржавеют пиастры,
Мигнут маяками Гавайи,
И, глаз запечатавши в пластырь,
Джон Сильвер придёт с попугаем.

Мулатки ударят в тамтамы,
На банджо сыграют креолки,
Апачи* раскинут вигвамы...
И шорохи смолкнут в посёлке,
Где я дочитаю все книжки,
Сойду с бригантины на берег,
Туземцы подарят коврижки
Загнивших Европ и Америк.

**Апачи – племена североамериканских индейцев.*

БЫЛ ЛИ ОН ПРАВ...

Скрипнуло кресло,
и скрипнула дверца.
Скрипнуло сердце,
упала слеза.
Ты доедал два бифштекса без перца,
Линзы от солнца надев на глаза.
Мчался твой конь по сожжённой пустыне,
шпоры до крови врезались в бока,
Боеприпасы лежали в корзине,
в строфы просилась верлибром строка.

Плавился посох в руках у скитальца.
Ручка писала, но не было слов.
А на курке – дрожь холодного пальца...
Был ли он прав, Иоанн Богослов?
Конь вороной, рыжий, белый и бледный-
Падали в пыль, в раскалённый песок...
Посох, забытый и ветхозаветный,
Вместе с закатом смотрел на Восток.

АМУР В ОТСТАВКЕ

Он выстрелил метко по цели,
Как будто в капусты кочан.
Кураре,* залитые стрелы,
Уже не вернулись в колчан.
По жилам текла Амазонка,
Великая в сельве река,
Бежала по волнам лодчонка,
Веслом управляла рука.

Он был тем амуром в отставке,
Пол-облака сдавшим в ломбард,
Бездарно растратившим ставки,
Спустившим в Блэкджек* миллиард.
И в гиблых тропических джунглях
Бессрочно мотать ему срок,
Под пальмой спать ночью на углях-
Такой был назначен урок.

Не мог не стрелять он из лука
(Он с детства любил пострелять)
Не хитрая в целом наука,
Но в жалах у стрел липкий яд.

**Кураре – южно-американский стрельный яд, использующийся
индейцами Гвианы бассейна
реки Амазонка.*

**Блэкджек – карточная игра в казино.*

А РЕКИ ТЕКУТ...

Ушли аргонавты, разрушена Троя.
Оставили боги Царьград и Сарай,
Истлели все доски от лодочки Ноя,
Остался за древней стеною Китай.

А реки текут в бесконечную Лету,
У Стикса дежурит безмолвный Харон,
Он знает дорогу, он крутит планету
Под скрежет железных земных шестерён.

Но снова выходят друг другу навстречу.
Зачем? Почему? Бесполезный вопрос.
Обнимутся, сядут, зажгут свои свечи...
– Ну, как ты, Иуда?
– Нормально, Христос!

Течёт разговор их размеренно, плавно,
Слова улетают в небесный эфир,
Орбитой вращается шарик исправно,
Где космос планету исшаркал до дыр.

ЗАЧЕМ-ТО ЕДУ Я НА ПАРНАС

В холодной Мойке промокло небо,
на древней фреске слезится Спас,
в стальном вагоне, в метро подземном,
зачем-то еду я на Парнас.

Зачем мелькают чужие лица,
послушных року, своей судьбе?
Зачем в метро мне с утра не спится,
зачем мне двигаться по трубе?

Зачем искать среди львов Пегаса?
На людных улицах толкотня,
настройки сбиты систем «Глонасса»,
полцарства отдал бы за коня!

Мне за него ничего не жалко,
но на Пегасах сидят цари
в зелёно-медных своих закалках,
свинцом наполненных изнутри.

И в этом мире ничто не ново,
и у державы крутой манер,
и смотрит царь, как всегда, сурово
на двери с вывеской «Англетер».

ВЕСНА НА НЕВСКОМ

Слышишь, в зонтик стучится весна,
На проспектах случайные лужи.
Нам сегодня с тобой не до сна:
Ветер невский нам голову кру́жит.
И зажгутся вот-вот фонари,
На Одесской не дремлет фонарщик,
На своих постаментах цари,
Дождь неожиданный на месте, обманщик.

Бьют дождинки свой степ по воде
На канале, где жил Грибоедов,
Эти капли сегодня везде,
С самых первых весенних рассветов.
Ах, ты, горе моё от ума,
Не настроен дождь на скоротечность,
Вдоль канала промокли дома,
Мокнуть им ещё целую вечность.

Над соборами ангелы бдят
В изумрудных, промокших одеждах,
Чтобы мы отсырели до пят,
Чтобы мы потерялись в надеждах.
Поспешим за железный забор,
Где дома и дворы, как колодцы,
Там, на Невском, несут свой дозор,
Невзирая на дождь, полководцы.

ЭТО БЫЛО, ПОЖАЛУЙ, НЕПРОСТО

Отцу

Это было, пожалуй, непросто.
И задуман был винтик хитро,
Чтоб вставлялся в удобные гнёзда
У ракеты в стальное нутро,
Чтоб сгорел в атмосферных осадках,
Не упал в казахстанский ландшафт,
Чтоб ступень отработала гладко
И остался в живых космонавт.
А потом всё отметили пьяно —
Орден в водку, в граненый стакан.
И купил ты мне фортепиано-
Наилучшее из фортепьян.
Чтоб Чайковский, Рахманинов, Шнитке
Заходили в уютный наш дом,
Только слуха не дал бог улитке,
И улитка мечтал о другом.

И хотелось улитке не ползать,
А безумно мечталось летать
И, маршруты наметив по звёздам,
За мечтою своей убежать.
И бродил он к Востоку от дома,
Там, где Обь омывает Сибирь,
Там он строил свои космодромы
На военный, не штатский ранжир.

Годы шли. Пианино дождалось
Наконец-то обученных рук,
Ритму клавиш оно отзывалось,
Ноты выучил выросший внук.
Ты смотрел с недоступного неба,
Как звезда по земле мажет тень,
Как красиво и в чём-то нелепо
В атмосфере сгорает ступень.

НА КЛАДБИЩЕ СТАРОМ КРАСНОУФИМСКА

*Шаламовой Дарье Александровне,
сестре моего деда Шаламова Ивана,
которую мы называли баба Даша.*

В старой церкви, на кладбище старом,
плачут свечи у древних икон...
Ты кормила меня виноградом
в те года, что уже испокон.
И другие, но чёрные галки
с колокольни взирают окрест...
Ты любила на окнах фиалки
и на Пасху твердила:– ...воскрес!

Но сверкают анютины глазки,
где лежишь ты среди тишины,
рядом с мужем, поверившим в сказки,
с тем, который вернулся с войны
В ту деревню, где девки и вдовы
не стирали мужицких портков,
разорвать были парня готовы,
а ты старше на двадцать годков.

Может, ведьмой была, ворожеей
или знала какой приворот?
Но, впусивши во двор без затей,
ты уже не открыла ворот.
И ушла ты однажды, под утро,
с ним прожив тридцать пять долгих лет,
а туман был такой же, как будто,
в тот далёкий военный рассвет...

Я на камень смотрю посеревший
и в твои молодые глаза,
виноградом давно перезревшим,
хмелем в сердце стучится лоза.

МЕСТЬ И ЗАКОН

Я, похожий слегка на Дхармендру*,
Всю наличность поставив на кон,
Три гвоздики и галстук – в аренду,
Шёл на фильм с тобой «Месть и закон».

Улыбалась Басанти с экрана.
Это Индия! Как хороша!
Хороша, недоступно желанна
В жарком танце её живота!
Виру с Джаем стрелять было важно,
Так, чтоб смерть собрала урожай,
Но каким бы он ни был отважным,
Погибал весь израненный Джай.

Мне же были сегодня важнее
Три гвоздики и запах волос,
И ресницы, что длинных длиннее,
И курносый, задиристый нос.
Пахли волосы сеном и мятой,
Фонари освещали наш путь,
И последний трамвай «двадцать пятый»
С этих рельсов не мог повернуть...

А сегодня припомнилась юность,
Вёз меня «двадцать пятый трамвай»...
У подъезда ты не обернулась,
Так погиб тобой раненный Джай.

**Дхармендра – популярный в 70-е – 80е года прошлого века
Индийский киноактёр.
в фильме «Месть и закон» играл роль Виру.*

БРЕМЯ БЕЛЫХ*

*Посвящается бойцам третьей военно-строительной роты
в/ч 73443 МО СССР*

Бремя белых – курить табак
В книге джунглей для англосакса,
А у нас через год – черпак*.
Скрип сапог, гуталин и вакса.

Мы пришли в этот чудный край,
Для страны своей мы скитальцы,
Там, за дальней горой, Китай,
Здесь в лопаты вмерзают пальцы.

Ротный наш – он медведь Балу-
С зампотехом сидит в берлоге,
Долбят ломом в мороз скалу
Неприкаянные бандерлоги.

В минус тридцать в палатке зной:
Две «буржуйки» клокочут ночью,
А портянки греем собой,
Так надёжнее, между прочим.

Бремя белых писать стихи,
По Биг-Бену сверяя время,
Мы вплетаемся в гул стихий
И ракеты вставляем в стремя.

Бес в ребро, седина в виски,
Рано нам уходить в ворота.
Что там вспомнилось? Пустяки!
Снег. Палатки. Спит третья рота.

* «Бремя белых» – стихотворение Р. Киплинга.

*черпак – военнослужащий второго года службы.

Я ВСЁ ПИШУ О ТОМ...

Я всё пишу о том, что хорошо,
Что вечер в доме закрывает шторы,
Что быть должно, то мимо не прошло,
Что за окном мигают светофоры.
И этот мир не может быть другим,
Число потерь предшествуют находки,
А в снах туман и непонятный дым,
Туман и дым, и не хватает водки.

А поутру будильник прозвенит,
И гимн напомнит, что живу в России,
Где клуб футбольный питерский «Зенит» —
Шарф голубой, а может – блекло-синий.
Но в нашем поле юркие шмели*,
Где пышно зреют травы -медоносы.
И пролетают мимо журавли...
В руках синица, в голове – вопросы.

** шмели – допустима ассоциация с футбольным клубом «Урал».*

БИАТЛОНИСТ

Лыжня опять сегодня не далась:
Стрелялось мимо, не скользили лыжи,
И сервисмены не попали в мазь...
И решено всё было где-то свыше.
Что на лыжне случится мокрый снег,
Мишень не видно будет за туманом.
Норвежец снова лучший взял разбег,
Француз, как бог, стреляет без обмана.

Ведь можно было не бежать совсем,
Стрелять на даче в кабачки из лука
И не иметь свалившихся проблем —
Мотать лишь два, таких ненужных круга.

Но тренер гнул, что побеждать ему,
Ещё сезон, а в нём Олимпиада,
Что молодым не выиграть войну.
Стране нужна всего одна награда.
Что будет он готов как никогда
К тем самым важным, самым главным стартам,
Он чемпион, и в жилах не вода,
Победу слышит тренер миокардом.

И он бежал, разматывал круги,
Ему бы плюнуть, дальше можно шагом...

Там все надежды будут на других,
Не побеждают в битвах с белым флагом...

СОЛНЦЕ КРУТИШЬ НА ВЕРЕТЕНО

С неба вьётся по лучику солнышко,
Вьётся с неба на веретено.
Ты вращаешь его, словно пёрышко,
Словно пальцами сеешь зерно.
Веретёшко, послушное, вертится,
И в руке твоей солнцеворот,
Может, помнишь ту юную девицу...
Парень девицу ждал у ворот.
Как стояли вы с ним у околицы,
Как ходили на берег реки.
Слух несла деревенская «звонница»,
Записав паренька в женихи.

И к чему мне припомнилось это?
Будто всё это было со мной,
Он ушёл в то военное лето,
Чтоб с него не вернуться домой.

Я живу и хожу по дорогам,
И забыть мне уже недано,
Как ты смотришь тревожно и строго,
Солнце крутишь на веретено.

1 МАЯ 1981 г.

Помню я: как-то первого мая,
Отряхнув «вторчерметовский»* сплин,
С пиджачка мокрый снег соскребая,
Мы брели – ни такси, ни машин.

Запах стойкий – амбре с перегаром,
Сигареты с названием «БАМ»*,
Брюки клёш, за спиною гитара,
На двоих тридцать шесть было нам.

Ранним утром, лишь красные стяги
Вдоль «Белинки»* роскошно «цвели»,
Я и Витька, «с понтами стилиаги»,
Первомайской походкою шли

В то прекрасное светлое завтра,
И дорога была нам видна...
Почему я не стал космонавтом?
Где ты, лучшая в мире страна?

**Вторчермет – район Екатеринбурга (в 81 ом – Свердловск).*

** БАМ – Байкало-Амурская Магистраль.*

** Белинка – ул. Белинского.*

ЛЕГЕНДА (за много лет до нашей эры)

Был мастер сед.
Был мастер смел,
А дерево – подобно богу.
Здесь правил Род,* и князь хотел
Вести людей к его порогу.
И мать Лада* и Яга*
Труд мастера благословили.
– Здесь встанет Бог назло врагам, —
На том они и порешили.

Был Бог один.
Был Бог един.
К нему хотелось прикоснуться,
И мастер не жалел седин,
А ствол никак не мог согнуться.
Но дело знали топоры.
Они свалили исполина,
И отступили тьмы миры
перед величием славянина.
Из миража, из ничего,
Одним предчувствием, как будто,
взметнувшись к небу высоко,
Был идол сотворён под утро.
Бус Белояр*, Триглав*, Ярун*
смотрел на мир глазами бога,
и написать хватило рун,
что впереди всех ждёт дорога.
Туда, где спят ещё миры,
где бога нет и правят вии,
волхвы трояновы мудры,
ушли туда, где встанет Киев

**Род (др. – рус.) – верховный небесный бог, громовник.*

**Лада – верховная богиня – мать, богиня весны, брака и любви.*

**Яга – богиня смерти, войны, колдовства, хозяйка леса.*

**Бус Белояр – Князь Русколани, по А. Асову «Велесова книга».*

**Триглав (Троян) – славянский бог – надзирает за тремя царствами, небом, землёй и преисподней.*

**Ярун (Ярило) – славянский бог солнца.*

ВАЛЕНКИ

Вот нынче стали валенки не в моде,
Народ привык рядиться в сапоги.
И, вроде бы, пошиты по погоде,
Но холодны они к теплу ноги.

И зимы стали, не в пример, теплее,
Но память в детство открывает даль,
Где валенки мне в стужу ноги греют,
А душу греет бабушкина шаль,

В которую закутан вместе с шапкой-
Такой был в детстве модный приговор.
Морозный воздух пахнет дымом сладко,
Я чётко помню этот дом и двор.

Где бабушка растапливает печи,
Я не спешу на эти берега...
Когда-нибудь её, наверно, встречу,
А за окном снега, снега, снега...

ГДЕ-ТО ТАМ

Где-то там, на другом берегу,
На какой-то далёкой планете,
Раз в сто лет я к тебе прибегу
По известной небесной примете.
Мы с тобой растворимся в мирах
На высокой межзвёздной дороге,
Будет небо сиять в жемчугах,
Мы руками их сможем потрогать.
А потом в бесконечности грёз
Нам с тобой суждено затеряться,
Там, где мир первозданностью прост,
Нашим встречам дано повторяться.

СЕРАЯ ВОРОНА

Здравствуй, серая ворона,
Вот и выпал белый снег.
Ты сегодня вне закона,
Ты теперь заметней всех!
Где тебя кусочком сыра
Подхарчил всеильный Бог?
Посреди какого пира?
Ты сегодня, как пророк.

Белый снег, и беззащитны
Мы на выпавшем снегу.
Обнулёны, безлимитны,
И доступные врагу.

Ешь свой сыр, вещун голодный,
На погоду не взыщи.
Пусть голодный, но свободный,
Да не каркай, помолчи!

НЕ СКАЖУ

Не скажу.
Не скажу.
Не скажу.
Сохраню от тебя эту тайну.
Я себе и тебе докажу,
Что всё было и есть – неслучайно.
Не случайны ни утро, ни день.
Не случайны ни осень, ни лето.
И на стенке случайная тень
Неслучайно тобой отогрета.
Разожги в своем доме очаг,
Разомни задубевшие струны,
Странный друг, потерявшийся враг,
Мы сегодня по – прежнему юны.

А за дверью застыли шаги,
И теряются в шорохах звуки,
И любое движенье руки
Повторяют послушные руки.

СЛЕД

Пусть будет след.
На то и след.
Следы без нас живут отдельно,
для них всё в жизни несмертельно,
для них и ран смертельных нет.

Уйдём однажды за черту,
на перекрёсток, к светофорам,
для встречи с главным прокурором,
где след наш виден за версту...
Когда не нужно биться лбом
и всё измерено аршином,
попом, раввином, муэдзином,
звездой, луною и крестом,
не нужно бить по клину клином,
а нужно петь на журавлином
в бездонном небе голубом...

ВОТ ТАК И ПЛЫЛИ

Вот так и плыли...
ангел твой и мой
в той вышине, где облака и птицы,
но кто их видел там, над головой,
две ярко-жёлтых маленьких синицы?
Внизу текла уральская река,
по ней давно не ходят пароходы,
она для них не слишком глубока,
здесь перекаты, отмели и броды.

Навстречу ей летели журавли,
из дальних странствий возвращаясь к югу,
по берегам качались ковыли,
синиц влекло туда, где бродит вьюга.
Туда, где льдами витый океан,
где щи хлебать им приготовил лапоть,
забытый смертью древний капитан,
туда, где море не устало каркать*.

** имеется в виду Карское море*

ДО КОНЕЧНОЙ

Вечерний Екатеринбург.
Зима. Мороз обыкновенный.
Заноза ветер, как хирург,
Пронзает сердце, режет вены.
Спешит из Чехии трамвай,
Своей улыбкой обжигая,
Внутри трамвая едет рай,
Тебя со мной в себе сближая.

Мы днём бродили по воде...
По льду бродить довольно просто.
Следы везде, следы нигде,
Пруд городской застыл по мостом.
В «раю» уютно и тепло,
Проникновенно и беспечно,
Бежит дорога, свет – в стекло,
Мы вместе едем до конечной.

ЛУНА НАШ ГОРОД СТОРОЖИТ

Луна наш город сторожит.
Ты мнёшь свои глаза в подушке,
Бежишь над пропастью во ржи
И над гнездом летишь кукушки.
И давит лёгкость бытия,
Хмельной не выпит одуванчик,
На остров Крым везёт тебя
Желаний старенький трамвайчик.
А мысли гнутся о строфу,
Не помещаясь в новой книжке...
Её скелет скрипит в шкафу
Без сердца, смыслов и без стрижки.

МОЙ ГОРОД

Всегда нехстати в мой промёрзлый город
Приносит осень долгожданный снег.
А ты нехстати обожаешь холод,
Такой простой, железный человек.

Уснёт «плотинка», скованная льдами,
С ней заодно застынет водопад.
И ты пойдёшь железными шагами,
Не попадая в такт, и невпопад.

И зазвонят на ратуше куранты,
Где время нам опять покажет вождь,
У нас давно закончились инфанты
И кто теперь, порой не разберёшь.

Ты любишь холод, сырость и муссоны,
Живешь с душою старого моржа,
Но постарались хитрые масоны,
Чтоб в твоём сердце появилась ржа.

И холода изматывают нервы,
Вот запоздал замёрзнувший трамвай,
Кондукторши в морозы – просто стервы:
– Ну, что застыл? Плати! Передавай!

ОНА ПРИШЛА СТЕЛИТЬ ПОСТЕЛИ

Ирбит* не Екатеринбург.
А Ё-бург* не Москва -столица.
Судьбу всем пишет драматург
пером по высохшим страницам,
и где, какой навалит снег,
чтобы пройти не смог прохожий...
Но где бы ни был человек,
идти ему по бездорожью.

Сегодня выпала зима-
метутся снежные метели.
Она сегодня не скромна:
она пришла стелить постели.
Она пришла заморозить,
согреть, а может, заморочить.
Она пришла, и с ней нам жить,
самим себе её пророчить.

**Ирбит – город в Свердловской области.*

**Ё-бург – вариант неофициального написания г. Екатеринбург.*

СНЫ

Сегодня не спится по графику.
Сегодня большая луна.
Все мысли несутся по трафику
Опять от меня до меня.
Во сне убегают по снегу,
Попробуй поймай, растолкуй.
Как лошадь, впрягаюсь в телегу,
Везу за сугробы в Кокуй*.
И, что мне в Кокуе не спится,
Зачем я телегу тащу,
Зачем эта лошадь мне снится,
И что там, в снегах, отыщу?

Но вижу: красивая девица
Мне машет, зовёт за сугроб,
Луны и снежинок наследница,
Читает ночной гороскоп...

**Кокуй – деревня в Свердловской области – в народных говорах
малопродуктивный песчаный участок.*

КАК ПРЕЖДЕ МОСКВА

Я движусь в ужасной пробке
медленно и по прямой,
не хватит одной мне стопки,
когда дотащусь домой.
Меняются дни за днями,
меняется антураж,
как прежде Москва за нами,
а не гаитянский пляж.

Меняются в государствах
названия древних столиц,
Но сфинксы глядят в пространства,
пространством пустых глазниц.
И ветры метут с востока
то снег, то дожди, песок.
Как это порой жестоко!
Но тонок всегда Восток.

И рвется всегда, где тонко,
и голову хмель кружит,
звучат над Исетью звонко
плывущие миражи.
Меняются дни и лица,
уносит ветром слова,
туда, где поёт синица,
туда, где стоит Москва.

В ПОДСОЛНУХ

Зима. Мороз. Уходим снова в дом.
Метёт снега небесный хитрый олух,
А мысли все о чем-то не о том:
Включить июль. И убежать в подсолнух.
И почему-то нет других идей,
А виноват во всём уральский холод.
В Пышме* зимой не до лихих затей,
В Пышме- буран. В душе -любовный голод.
Подсолнух – солнце обогреет день,
А ночь торшер с луною отопреют.
Ну что, родная, ты лежишь, как тень?
Сыграть танго на трубах батарейных?!

** Пышма – посёлок в Свердловской области, по дороге в Тюмень.*

НА УРАЛЕ ЗИМА

На Урале зима
Белым мехом на шапках пушится.
Ты не веришь сама,
Что тебе этот снег только снится.
Облетел красный лист,
Больше слякоти нет под ногами.
Убежал рыжий лис
В ближний лес за другими стихами,
В тех, в которых мороз,
В тех, в которых снежинки летают,
Солнце шурит свой нос...
Я про осень стихи не читаю,
Потому что зима
И зимы этой песня не спета.
За зиму весна.
За весной – обязательно лето!

ТЫ МОЯ СКАЗКА

Сметы готовы,
Допросы закончены,
Все изыскания проведены,
Воры посажены и узаконены,
Тропы проложены, сокращены.

Ты неизменная и вдохновенная,
Любишь меня скромной нежностью, Русь!
В сердце моём ты большая Вселенная,
Млечная вечно вселенская грусть.

Ты- моя сказка, баллада печальная.
Так и не хочешь следить за собой.
Помнишь, когда-то была изначальная,
Помнишь, как мы повстречались с тобой?

Там, где вставали рассветы весенние,
Вместе взлетали и падали вниз,
В церковь ходили по воскресеньям,
В будни творили душевный стриптиз.

Снова один выхожу на дорогу,
Вспомнив всё то, что казалось мне сном,
Снова послушен какому-то року...
Вот эта улица. Вот этот дом.

Тронута временем краска фасадная,
Стерлись названия, скрылись следы,
Без мишуры и совсем не парадная,
Только, как прежде, желанная ты!

ЭТО УРАЛ!

Сокол завис над дорогой.
Горы, равнины, увал.
Хочешь, руками потрогай,
Это, братишка, Урал!
Гнутся в изгибах речушки,
Сосны вонзаются ввысь.
Годы считают кукушки,
След свой петляет рысь.
Совы садятся на ёлки,
Волки идут по тропе.
Сёла, деревни, посёлки
Жмутся домами к реке.

Давай, походи ногами,
Построй по горам маршрут,
Где трубы дымят дымами,
Заводы и там, и тут.
И вот он костяк-основа,
Видней он со стороны,
К Челябинску от Серова —
Могучий хребет страны.
На нём города-вершины,
Где плавят руду в металл,
Бегут по стране машины,
Всё это, мой друг, Урал!

КАМСКИЙ ШАНСОН

Сыграй мне, лабух, для души.
Звезда с небес свалилась в Каму.
Никто на небе не спешит
Вернуть нашкодившую даму.
Здесь дальше некуда идти.
В Чердынь*, к вогулам*, к тем истокам?
Забыли тропы и пути
Мы на Урале синеоком!

Ты мне сыграй забытый блюз,
Как Эрик Клэптон или Кокер,
«Друзья, прекрасен наш союз»
И двести сорок пятый номер.

Мы не успели загадать-
Желанья наши ветром сдуло.
С креста не может нас узнать
Иисус Христос с лицом вогула*,
И купола своих церквей,
С которых сняли позолоту,
Застывших нищих у дверей,
В жару и в зной и в непогоду.

Звезда на дне лежит одна,
И для неё все ночи долги.
Вода на Каме холодна.
Течёт всегда она до Волги.
Она течёт, как жизнь моя,
Течением уносит годы,
Идут по ней во все края
То катера, то теплоходы.

* Чердынь – в X – XII веках центр, столица Перми Великой.

* Вогулы – прежнее название народности манси.

*Христос с лицом вогула – в Пермской государственной художественной галерее находится коллекция храмовых скульптур «Пермские боги». Самые древние деревянные скульптуры относятся к XVII – XVIII веку. В лицах скульптур читаются черты коренного населения севера Перми Великой.

«СИБИРСКИЙ ТРАКТ»

Эх, Рассеюшка, ты кабацкая.
Что ни улица, то – кабак.
Здесь не площадь лежит Сенатская-
на Рассветной «Сибирский Тракт».

Здесь, как водится, черти водятся
и русалка несёт поднос.
Хороводятся – богу молятся
на рождение и погост.

Стойка барная, капучинная,
я смотрю на своё село.
Связь со следствием беспричинная,
скольких нет уже, чем смелó?

Подмело тротуары, улицы,
сиротливо стоят дома.
Сигарета, как порох, курится,
воскресений не ждёт Фома.

Раз уж вспомнилось – эй, хорошая,
сделай музыку мыслям в такт.
Ты здесь местная, не прохожая,
здесь прохожий «Сибирский Тракт».

В ЧАСАХ МЕНЯ БАТАРЕЙКУ

Последний срок придёт однажды
и каплей упадет
в песок,
и тело высохнет от жажды,
любви
порвётся лоскуток.
И встанут ходики на стенке,
и ты поверишь —
Бог един,
согнёшь уставшие коленки
в конце концов конечных длин.
Но впереди ещё отрезок,
на нём теряются следы,
как неоформленный довесок,
как пепел рухнувшей звезды.
Там силуэты все размыты,
там пыль прибита вдоль дорог,
и там стоит твоё корыто,
в нём всё,
что ты ещё не смог.

В часах меня батарейку,
лелеешь ты свою мечту,
она, похожая на змейку,
петляет хитрую версту.

ЗАКРЫТ ДАВНО АЭРОПОРТ ПУКСИНКА

Закрыт давно аэропорт «Пуксинка»
в краю лесов, болот и лагерей.
В душе, по сердцу катится дождинка
под колокольный звон монастырей.
Здесь дует ветер в брошенные трубы
и песни о лихой судьбе поёт,
а в том июле дождь стучал о губы,
я ждал в дождях пропавший самолёт.

Три дня назад как прохудились тучи
и небо превратилось в решето...
за взлётной полосой сосняк дремучий,
собачий лай и окрики постов.
А я свободный, человек свободный,
открыты все дороги и пути,
но дождь из неба мокрый и холодный
прижал к земле, и некуда идти.

Мне показалось, замерло движенье,
и где-то грохнул гром над головой,
и вот оно, земное притяженье...
за мной пришёл с овчарками конвой.
И захотелось, захотелось в небо,
туда, куда не ходят поезда,
туда, где вместе бродят быль и небыль,
хоть на минуту... или навсегда.

Но самолёт пришёл вне расписанья,
в метеосводках прорубив окно,
конвой остался в зале ожидания,
посты остались где-то за бортом.

Давно закрыт аэропорт «Пуксинка»
и пристань, где встречали корабли,
в душе, по сердцу катится дождинкой
забытый богом лоскуток земли...

ДОРОЖНОЕ

А Богданович* – не Багдад.
«Рено» – не русский танк «Армата».
На ленте серых автострад
шансон в ушах, в уме – граната
французская «Вдова Клико»
системы той, которой нужно,
непринуждённо и легко
звучит движок слегка натужно.

Зазеленелся хвойный лес,
добавив нежности берёзы,
открытой синевой небес
звучат французские вопросы:
Шарше ля фам. Бонжур, мадам!
Я к Вам приехал отобедать.
На свалку выброшен весь хлам:
Кто виноват и что с ним делать?

На Троицу смягчился май,
уже попутно дуют ветры.
Намаялась? Иди, встречай,
пусть в пробках сжались километры.
Таможня взятки не берёт,
и за державу не обидно...
За переездом поворот,
где силуэт знакомый видно.

** Богданович – город в Свердловской области.*

ПЛАХА

Когда шеренга из друзей всё реже
И кто-то встал в последний свой патруль,
Я ощущаю дней минувших скрежет,
Как будто бы стою под градом пуль.
Но командир зовёт пойти в атаку,
И барабаны выбивают дробь,
А кто-то хитрый приготовил плаху.
И беспощадней на душе озноб.

Палач уже колпак свой примеряет,
И приговор летит из-под пера,
Дышать свободно воротник мешает.
Горит огнём заточка топора.
А в небо снова выползло светило,
Чтоб попытаться этот мир согреть,
Но как-то всё уже вокруг остыло,
И в пачке больше нету сигарет.

ПРИЯТНЫХ СНОВ

Приятных снов и сновидений...
Свеча твоя горит в ночи.
Уходят тени приведений-
У них отсутствуют ключи.
И под холодной луною,
В слезах её холодных луж,
Приходит что-то неземное:
Ни чёрт, ни бес, ни бог, ни муж.
Он замирает, бессловесный,
Где вы вдвоём в твоей тиши,
Там мир вокруг ужасно тесный,
На острие его души.

КОТ

И в ноябре мы греемся от марта,
Опять горят в окне огни Монмартра,
А там гуляют кошки Петербурга,
И где-то там моя блуждает мурка.

Люблю послушать во дворе «тальянку»,
Хлебнув слегка для счастья валерьянку.
А Пляс-Пигаль к затеям не суров,
Там не бывало мартовских котов.

В кармане фантик, серебристый «Вискас»,
Ну, где ты ходишь-бродишь, моя киска?
И почему меня к тебе влечёт?
Ноябрь в окне, но мартом дышит кот!

ПРОСНУТЬСЯ УТРОМ

Проснуться утром. Скушать булку с маслом.
Простить луну за то, что холодна.
Ругнуть жену по-глупому, напрасно,
Что свет в окне. Восток. И тишина.
Зачем-то выйти рано на работу,
Когда вокруг ещё соседи спят.
И там толочь привычно в ступе воду,
Но, видно, боги этого хотят.
Любить врагов, друзей возненавидеть,
В самом себе теряться и блудить,
И что-то там далёкое предвидеть,
Такой простой и лишней повод жить.

07.11.2017

МАРШРУТ ИЗВЕСТЕН. 18-Й ГОД

Маршрут известен. Керенский в Нью-Йорке,
В уральский город сослан Николай,
Поэт-бунтарь лежит в тюремном морге,
Трещит Россия, как гнилой сарай.

А над Самарой разожглись зарницы,
Горят деревни в пламени огня,
Лихой поручик гвардии, Голицын,
Торопит в бой усталого коня.
А за спиной дымы, дымы пожаров,
Как флаги, реют виселиц кресты,
И эти лица красных комиссаров
Уже в сознании меркнут и пусты.

Но на пути пехотная бригада,
Товарищ Елькин развернул отряд,
Они пришли сюда из Петрограда,
Они земли и волюшки хотят.
За ними тоже дым и горы трупов.
Тут казачки все вдоль дорог в снегу,
Под Оренбург бежал полковник Дутов,
И воронье метёт вослед пургу.

И грянул бой, кровавый, боже правый!
Кто виноват, кто прав – пустой вопрос,
Комбриг пехотный и поручик бравый
Идут, обнявшись, к богу на допрос.

07.11.2017.

ИГРАЯ В РУССКУЮ РУЛЕТКУ

Последнему шефу Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка.

Играя в «русскую рулетку»,
Ты прострелил могучий лоб.
Твой визави сопит в жилетку,
А над тобой склонился поп.
Твои товарищи-гусары
От горя пьют «Вдову Клико».
Звучат печальные гитары,
Из звёзд сочится молоко.
Там скоро, бой не за горами,
И где-то точатся клинки,
Матильды с жаркими губами
В сердцах сжигают огоньки.

Сто лет назад. Давно как будто.
Убита выстрелом в висок,
Россия не проснулась утром,
И кровь её стекла в песок.
Её обмыли и отпели
В дублёных кожанках попы.
Хоругви светлые истлели,
И каждый год рождались лбы,
Чтоб подставлять себя под пули,
Видать, такой назначен рок.
Но ветры время повернули,
Пора прервать проклятья срок.
Пора кончать играть в рулетку,
И при наличии козырей
Не нужно плакаться в жилетку,
Забывать игру для дикарей!

15.12.2017

МАТА ХАРИ

Улитка ползла по травинке,
Летел над улиткой комар,
По крыше стучали дождевики,
Туман заползал в будуар.
Тебя называл Мата Хари
Красавец – французский майор,
Ты в блюдо добавила карри
Острее, чем острый топор.
Он ел это блюдо горячим,
Ты сердце сжигала легко,
Но чем-то он был озадачен
И мыслями был далеко.

Он был далеко.... Перед строем...
Стоял караул во дворе.
Ты шла за тюремным конвоем
В последнем своём октябре.
Он выстрелил прямо в затылок,
В убитую душу твою,
Он был недостаточно пылок
В том мае, в том вечном раю.

02.01.2018

АЛЕКСАНДР. 1242 год

Лопнул лёд под тевтонами с треском:
Он услышал звон колоколов.
За далёким и серым подлеском...
Гром, набат сорока сороков.
Сорока сороков... над Москвою...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.